

ГАНЕНКО КРИСТИНА ДМИТРИЕВНА

ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ

Кристина Ганенко

То, что остаётся

<https://litres.ru/74299714>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти матери Алина получает доступ к тому, о существовании чего не подозревала всю жизнь.

Среди оставленных Софией записей — документы закрытого научного проекта, который много лет назад должен был изменить представление человечества о сознании. Но чем глубже Алина погружается в прошлое матери, тем яснее понимает: София скрывала от неё не просто тайну.

Она скрывала человека.

Или того, кто им никогда не был.

История приводит Алину туда, где стирается граница между созданным и живым, между памятью и личностью, между любовью и ответственностью. Ей предстоит узнать, почему мать посвятила этому существу всю свою жизнь — и почему однажды решила оставить выбор уже своей дочери.

Но прошлое не всегда просит его изменить.

Иногда оно просит лишь понять.

«То, что остаётся» — история о памяти, утрате, любви и праве отпустить. О том, что делает нас людьми, и о следе, который человек оставляет после себя.

Кристина Ганенко

То, что остаётся

«Мы исчезаем не тогда, когда перестаём дышать.

Мы исчезаем тогда, когда после нас больше ничего не остаётся»

Глава 1

Девушка, которая забыла себя

Алина всегда думала, что память похожа на комнату.

В детстве отец говорил ей, что внутри каждого человека есть огромное пространство, где хранятся все моменты жизни.

Первый снег.

Первое слово.

Первый страх.

Первое «я люблю тебя».

Он говорил, что некоторые двери в этой комнате лучше не открывать слишком резко.

— Почему? — спрашивала она.

Лукас улыбался и отвечал:

— Потому что за каждой дверью кто-то ты.

Тогда ей казалось, что это просто красивая фраза.

Она не знала, что однажды будет стоять перед дверью, за которой находится её собственное прошлое.

И не будет помнить, почему боится её открыть.

Алина проснулась за три минуты до звонка будильника.

Она всегда просыпалась именно так.

За три минуты.

Не за пять.

Не за одну.

За три.

Раньше она считала это странностью.

Теперь — привычкой.

Она лежала неподвижно и смотрела в потолок.

Комната была знакомой.

Слишком знакомой.

Белые стены.

Тонкая полоска света между шторами.

Старый деревянный шкаф напротив кровати.

Фотография на тумбочке.

Она знала всё это.

Но иногда ей казалось, что она знает не потому, что жила здесь.

А потому, что кто-то однажды рассказал ей об этом.

Это ощущение всегда проходило.

Через несколько секунд.

Но первые секунды после пробуждения были самыми страшными.

Потому что в них не было уверенности.

Только вопрос.

Кто я?

А потом память возвращалась.

Имя.

Возраст.

Город.

Работа.

Жизнь.

Алина Вальтер.

Двадцать семь лет.

Архивист.

Обычная жизнь.

Обычная женщина.

Обычное утро.

Она повторяла это каждый день.

Не потому что забывала.

А потому что боялась забыть.

На кухне пахло кофе.

Она поставила чайник и открыла окно.

Город уже просыпался.

Машины.

Голоса.

Шаги людей, которые куда-то торопились.

Обычная жизнь.

Иногда Алина завидовала людям, которые могли просто существовать.

Не анализировать каждую мысль.

Не замечать каждую странность.

Не задаваться вопросом:

почему некоторые воспоминания ощущаются чужими?

Она взяла чашку.

На холодильнике висела фотография.

Она и её отец.

Ей было семь.

Лукас держал её за плечи.

Она смеялась.

Он смотрел не в камеру.

На неё.

Алина часто смотрела на этот снимок.

Но каждый раз испытывала одно и то же чувство.

Не грусть.

Не радость.

Что-то между ними.

Как будто фотография принадлежала ей.

Но момент на ней — нет.

Она помнила этот день.

И не помнила.

Она знала, что это невозможно.

Но именно невозможное беспокоило её больше всего.

Первый раз она заметила проблему в двадцать два года.

Она забыла дорогу домой.

Не полностью.

Не так, как показывают в фильмах.

Она не потерялась среди улиц.

Она просто остановилась возле знакомого здания и поняла, что не знает, почему оно кажется ей знакомым.

Она стояла десять минут.

Смотрела на окна.

Пыталась вызвать воспоминание.

И ничего.

Только странное чувство:

я уже была здесь.

После этого появились мелочи.

Она забывала разговоры.

Не события.

Именно разговоры.

Люди говорили ей:

— Я же тебе рассказывал.

А она улыбалась.

Потому что не хотела объяснять.

Потом появились сны.

Они были хуже забытых воспоминаний.

Потому что во сне она знала всё.

Она была маленькой.

Она была в белой комнате.

Она слышала голос отца.

И каждый раз перед пробуждением кто-то говорил:

— Не открывай дверь.

Сегодня сон был другим.

Она стояла в длинном коридоре.
Стены были белыми.
Слишком белыми.
В конце находилась дверь.
На ней была цифра.
Алина не знала, что это значит.
Но знала одно:
она не должна была туда заходить.
За дверью кто-то был.
Кто-то ждал.
Она подошла ближе.
Рука коснулась ручки.
И тогда раздался голос.
— Алина.
Она застыла.
Голос был знакомым.
Но она не могла вспомнить кому он принадлежал.
— Не открывай.
Она проснулась.
В офисе она сделала вид, что всё нормально.
Это стало её профессиональным навыком.
Прятать то, что происходит внутри.
Она работала с архивами.
С документами.
С чужими историями.
Наверное, поэтому ей доверяли.

Она умела сохранять чужое прошлое.

Только со своим у неё были проблемы.

— Ты опять не спала?

Коллега Марина поставила рядом кофе.

Алина улыбнулась.

— Спала.

— Врёшь.

— Немного.

Марина посмотрела на неё внимательно.

— Тебе нужно отдохнуть.

Алина хотела ответить.

Но вдруг увидела документ на соседнем столе.

Обычная папка.

Старая.

Серая.

На ней было написано:

ПАЛИМПСЕСТ.

Она замерла.

Всего на секунду.

Но этого хватило.

Потому что внутри что-то откликнулось.

Не мысль.

Не воспоминание.

Узнавание.

— Ты её открывала?

Марина посмотрела на папку.

— Какую?

Алина указала.

— Эту.

Марина нахмурилась.

— Странно.

— Что?

— Здесь ничего не было.

Алина посмотрела на стол.

Папка лежала там.

Она была настоящей.

Она могла её потрогать.

— Ты уверена?

— Конечно.

Марина улыбнулась.

— Может, ты просто устала.

Алина ничего не ответила.

Потому что внутри уже знала.

Это была не усталость.

Вечером она открыла папку.

Внутри были документы.

Старые.

Часть страниц отсутствовала.

Но первая запись была целой.

Проект «Палимпсест».

Цель: исследование механизмов памяти и сохранения личности.

Она читала дальше.

И чем больше читала, тем сильнее становилось ощущение:

она уже знает эти слова.

Последняя страница была написана от руки.

Почерк был незнакомым.

Но сердце узнало его раньше разума.

Если Алина когда-нибудь найдёт это, значит, процесс начался снова.

Она перестала дышать.

Потому что ниже стояло имя.

Лукас Вальтер.

Её отец.

Который умер десять лет назад.

В ту ночь она впервые услышала голос.

Не во сне.

Не в воспоминании.

На самом деле.

— Алина.

Она резко открыла глаза.

Комната была пустой.

Но голос повторился.

Тихо.

Спокойно.

Женский.

— Не ищи его.

Она села на кровати.

— Кто ты?

Несколько секунд была тишина.

А потом ответ:

— Та, кто помнит вместо тебя.

Свет в комнате мигнул.

И впервые за много лет Алина поняла:
самое страшное — не потерять память.

Самое страшное —

узнать, что кто-то другой всё это время хранил её за тебя.

Глава 2

Утром Алина первым делом проверила, лежит ли папка на месте.

Она сделала это ещё до того, как открыла глаза полностью.

Странная привычка.

Проверять реальность.

Она протянула руку к тумбочке.

Пусто.

Сердце неприятно сжалось.

Несколько секунд она просто сидела на кровати, не двигаясь.

Потом посмотрела на стол.

Папка лежала там.

Серая.

Старая.

Настоящая.

Она не исчезла.

И от этого стало только хуже.

Потому что исчезновение можно было объяснить.
Сном.

Усталостью.

Воображением.

Но реальность объяснить было сложнее.

Алина снова открыла первую страницу.

Проект «Палимпсест».

Она читала медленно.

Не потому что не понимала.

А потому что понимала слишком хорошо.

Некоторые слова словно были знакомыми.

Не как информация.

Как воспоминание.

Когнитивная структура.

Сохранение личности.

Разделение памяти.

Она закрыла папку.

Нет.

Она не хотела читать дальше одна.

Не потому что боялась документа.

Она боялась ответа.

Иногда человек ищет правду годами.

А когда она оказывается рядом — начинает надеяться, что
её не найдёт.

Архив находился в старом здании на окраине города.
Место, которое большинство людей даже не замечали.
Снаружи — обычное серое здание.
Внутри — тысячи чужих жизней.
Алина любила архив именно за это.
Здесь всё было честно.

У каждого документа была дата.
У каждого имени была история.
У каждого события была причина.
В отличие от человеческой памяти.
Она могла ошибаться.

— Ты пришла раньше.

Алина подняла голову.
Самойлов стоял у стола.
Она знала его давно.
Слишком давно.

Он был одним из тех людей, которых нельзя назвать друзьями.

Но и просто коллегами тоже нельзя.

Он был рядом в самые сложные периоды её жизни.
Когда она впервые начала забывать.
Когда умер отец.

Когда она отказалась говорить о своих снах.

— Мне нужно кое-что спросить.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Уже нашла?

Алина замерла.

— Что?

Самойлов понял ошибку.

Слишком поздно.

— Ничего.

Но она уже слышала.

— Вы знали?

Он молчал.

— Вы знали про «Палимпсест».

Тишина стала ответом.

— Почему вы мне не рассказали?

Самойлов отвернулся.

— Потому что твой отец просил.

— Мой отец умер.

— Я знаю.

— Тогда его просьбы больше ничего не значат.

Он посмотрел на неё.

И в его взгляде было что-то похожее на боль.

— Для тебя, возможно.

Пауза.

— Для него — нет.

Алина сжала пальцы.

— Что это был за проект?

Самойлов долго молчал.

Потом сказал:

— Не здесь.

Они прошли в старый кабинет в конце коридора.

Комната почти не использовалась.

На стенах стояли пустые полки.

— Лукас работал над исследованием памяти.

Алина усмехнулась.

— Это я уже знаю.

— Нет.

Он покачал головой.

— Ты знаешь только название.

Он сел напротив.

— Твой отец считал, что память — это не архив.

— А что?

— Связь.

Алина нахмурилась.

— Объясните.

— Мы думаем, что воспоминания просто лежат внутри нас.

Он посмотрел на неё.

— Но Лукас считал иначе.

— Как?

— Что каждое воспоминание меняет человека.

Пауза.

— И если изменить память, можно изменить личность.

Алина почувствовала холод.

— Они хотели менять людей?

— Нет.

— Тогда что?

Самойлов посмотрел на неё.

— Они хотели спасти.

Это слово прозвучало слишком спокойно.

— От чего?

— От травмы.

Он достал старую фотографию.

На ней был Лукас.

Молодой.

Улыбающийся.

И рядом маленькая Алина.

— Ты была частью проекта.

Мир будто стал тише.

— Что?

— Не экспериментом.

Он быстро добавил:

— Никогда.

Но этого было недостаточно.

— Тогда кем?

Самойлов посмотрел ей в глаза.

— Причиной.

Она вернулась домой поздно.

Всю дорогу она думала об одном слове.

Причина.

Не участник.

Не объект.

Причина.

Почему?

Почему её отец занимался этим?

Почему он ничего не сказал?

Почему она ничего не помнила?

В квартире было темно.

Она включила свет.

И услышала:

— Ты разговаривала с ним.

Алина резко обернулась.

Женщина стояла у окна.

Та же.

Из сна.

— Кто ты?

Женщина посмотрела на неё.

— Я уже говорила.

— Повтори.

Пауза.

— Я та, кто помнит вместо тебя.

Алина сделала шаг назад.

— Ты не настоящая.

Женщина улыбнулась грустно.

— А ты уверена, что настоящая ты?

Эти слова ударили сильнее, чем она ожидала.

— Что тебе нужно?

— Чтобы ты перестала искать.

— Почему?

Женщина посмотрела на папку.

— Потому что он не хотел, чтобы ты узнала.

— Кто?

Она ответила:

— Лукас.

Алина почувствовала злость.

Настоящую.

— Ты знала моего отца?

Женщина молчала.

— Отвечай.

— Да.

— Кто ты?

Она посмотрела прямо на неё.

И впервые назвала своё имя.

— Ева.

На следующий день Алина нашла в папке новую страницу.

Она была уверена, что вчера её там не было.

Всего одна строка.

Ева — прототип защитной памяти.

Ниже:

Статус: активен.

А под этим:

Носитель: Алина Вальтер.

Она закрыла глаза.

Потому что теперь появился вопрос страшнее всех преды-

дущих.

Не:

«Кто такая Ева?»

А:

«Почему она живёт во мне?»

Глава 3

В детстве Алина боялась зеркал.

Не тем страхом, который бывает у детей после страшных фильмов.

Другим.

Тихим.

Необъяснимым.

Иногда ей казалось, что отражение появляется на долю секунды позже.

Совсем немного.

Настолько мало, что никто другой бы не заметил.

Но она замечала.

Смотрела внимательно.

Ждала.

И каждый раз убеждала себя, что ей показалось.

Потому что другого объяснения не существовало.

После появления Евы воспоминание о зеркалах вернулось.

Вместе со множеством других вещей.

Мелких.

Станных.

Не связанных друг с другом.

Как будто кто-то разбросал по её памяти кусочки одной картины.

И теперь она пыталась собрать их заново.

Но некоторых деталей не хватало.

Следующие несколько дней Алина почти не спала.

Она работала.

Ела.

Отвечала на сообщения.

Улыбалась коллегам.

Но внутри всё время думала только об одном.

Ева.

Кто она?

Галлюцинация?

Психическое расстройство?

Последствие травмы?

Или нечто другое?

Каждый вариант пугал одинаково.

На четвёртую ночь она снова увидела её.

Ева сидела в кресле возле окна.

Будто была хозяйкой квартиры.

Будто находилась здесь всегда.

Лунный свет падал на её лицо.

Она выглядела почти обычной женщиной.

Лет тридцати.

Тёмные волосы.

Светлые глаза.

Спокойный взгляд.

Ничего пугающего.

Именно это пугало больше всего.

— Ты приходишь только ночью?

Ева улыбнулась.

— Нет.

— Тогда почему я вижу тебя только ночью?

— Потому что днём ты слишком занята тем, чтобы не замечать меня.

Алина раздражённо выдохнула.

— Ты всегда отвечаешь загадками?

— Обычно да.

— Почему?

— Потому что прямые ответы тебе пока не понравятся.

Алина подошла ближе.

На этот раз она решила не отступать.

Не отворачиваться.

Не делать вид, что ничего не происходит.

— Ты существуешь?

Ева посмотрела ей прямо в глаза.

— Какой интересный вопрос.

— Ответь.

— Для начала нужно понять, что ты называешь существованием.

Алина закатила глаза.

— Хорошо. Ты человек?

— Нет.

— Тогда кто?

На этот раз Ева ответила сразу.

— Память.

Тишина.

— Это ничего не объясняет.

— Знаю.

Ева поднялась.

Подошла к книжной полке.

Провела пальцами по корешкам книг.

Словно действительно могла их касаться.

— Ты ведь не помнишь день похорон Лукаса.

Алина замерла.

Сердце пропустило удар.

— Что?

— День похорон.

— Помню.

Ева посмотрела на неё внимательно.

Очень внимательно.

— Правда?

И вдруг Алина поняла.

Нет.

Не помню.

Она помнила кладбище.

Чёрную одежду.

Людей.

Но самого дня не было.

Как фотографии без движения.

Без времени.

Без ощущения.

— Почему?

Голос прозвучал хрипло.

— Потому что это было слишком больно.

— Для кого?

— Для тебя.

Ева сделала паузу.

— И для меня.

Впервые за всё время Алина почувствовала настоящий страх.

Не из-за самой Евы.

Из-за последних слов.

— Что значит «для меня»?

Ева отвернулась к окну.

— Ты ещё не готова это понять.

— Хватит.

Алина повысила голос.

— Хватит говорить со мной как с ребёнком.

Тишина.

— Тогда задай правильный вопрос.

Алина несколько секунд смотрела на неё.

А потом произнесла:

— Когда ты появилась?

Ева медленно повернулась.

И впервые в её глазах появилась грусть.

— В день, когда ты решила, что больше не можешь справиться одна.

Комната словно стала холоднее.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что я не помню такого дня.

— Именно.

Ева подошла ближе.

Настолько близко, что Алина могла рассмотреть каждую черту её лица.

И вдруг заметила странную деталь.

Что-то знакомое.

Неуловимое.

Линию подбородка.

Разрез глаз.

Выражение лица.

Словно...

Словно она смотрела на кого-то, кого уже видела раньше.

Очень давно.

— Ты похожа на меня.

Слова сорвались сами собой.

Ева молчала.

Это было достаточно красноречиво.

— Нет.

Алина покачала головой.

— Нет...

Она сделала ещё шаг вперёд.

— Ты похожа на меня.

Ева закрыла глаза.

Будто ждала этого момента.

Слишком долго.

— Да.

Внутри всё перевернулось.

— Почему?

— Потому что ты создала меня.

Тишина.

— Нет.

— Да.

— Нет.

Ева смотрела спокойно.

— Когда человек не может вынести часть своей боли, иногда сознание ищет другой способ сохранить её.

— Я не верю тебе.

— Знаю.

Следующим утром Алина отправилась в архив раньше всех.

Она не могла сидеть дома.

Не могла думать.

Ей нужны были факты.

Документы.

Что-то, что можно потрогать руками.

Реальность.

Потому что её собственное сознание начинало казаться ненадёжным.

В подвале архива находился закрытый фонд.

Туда почти никто не ходил.

Старые дела.

Личные архивы.

Материалы, которые давно потеряли актуальность.

Именно там она нашла первую запись о проекте.

Не научную.

Личную.

Дневник Лукаса.

Страница была пожелтевшей.

Почерк немного дрожал.

Будто человек писал в спешке.

Она начала читать.

Алина снова разговаривает с Евой.

У неё перехватило дыхание.

Дальше шли строки:

Сегодня она сказала, что Ева помогает ей не бояться.

Мне страшно.

Потому что я начинаю понимать: Ева больше не воображаемый друг.

Она становится частью системы.

Руки Алины задрожали.

Она перевернула страницу.

Последняя запись была сделана через неделю.

Всего одно предложение.

Очень короткое.

Очень страшное.

Если я ошибся, однажды Алина забудет меня, но будет помнить Еву.

Вечером она долго сидела одна.

Без света.

Без музыки.

Без телефона.

Только тишина.

И мысли.

Потому что впервые появилась версия происходящего, которая пугала сильнее всех остальных.

А что если Ева не появилась после исчезновения памяти?

Что если память исчезла именно из-за неё?

Когда в комнате стало совсем темно, Ева появилась снова.

Но сегодня она выглядела иначе.

Уставшей.

Почти сломленной.

— Ты прочитала дневник.

— Да.

— И теперь боишься меня.

Алина честно ответила:

— Да.

Ева кивнула.

Словно ожидала именно этого.

Потом тихо сказала:

— Тогда тебе нужно узнать правду раньше, чем я хотела.

— Какую?

Ева подняла взгляд.

И впервые за всё время в её голосе прозвучал страх.

Настоящий.

Живой.

Человеческий.

— Я появилась не случайно.

Пауза.

— Меня создали.

Алина почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Кто?

Ева ответила почти шёпотом:

— Твой отец.

Глава 4

После слов Евы Алина не спала до рассвета.

Она сидела на полу возле дивана, обхватив колени руками, и смотрела в темноту.

Слова не выходили из головы.

Меня создал твой отец.

Они звучали неправильно.

Невозможно.

Безумно.

Но хуже всего было другое.

Где-то глубоко внутри она почувствовала не отрицание.

Узнавание.

Словно часть неё давно знала эту правду.

Именно поэтому она испугалась.

Утром пошёл дождь.

Мелкий.

Серый.

Тот самый дождь, который делает город похожим на старую фотографию.

Алина приехала в архив раньше всех.

Ей нужно было закончить то, что она начала.

Найти остальные записи Лукаса.

Найти доказательства.

Найти хоть что-нибудь, что объяснило бы происходящее.

Потому что пока каждая новая находка только усложняла картину.

Подвал встретил её запахом старой бумаги.

Здесь всегда было прохладнее.

Тише.

Словно время двигалось медленнее.

Она снова достала коробку с материалами проекта.

Вчера из-за шока она не успела просмотреть всё.

Сегодня собиралась внимательно изучить каждую страни-

цу.

Через двадцать минут поисков она нашла конверт.

Без маркировки.

Без даты.

Только одно слово.

Алина.

Руки мгновенно похолодели.

Она открыла его.

Внутри лежала карта доступа.

Старая пластиковая карточка.

Стершиеся буквы.

И адрес.

Незнакомый.

Промышленная зона на окраине города.

На обратной стороне карточки кто-то написал ручкой:

Комната 17.

Сердце забилося быстрее.

Она перечитала надпись несколько раз.

Потом ещё раз.

Словно слова могли измениться.

Но нет.

Они оставались прежними.

Точно такими же, как во сне.

К обеду дождь усилился.

Алина несколько раз пыталась убедить себя не ехать.

Это могло быть совпадением.

Чьей-то шуткой.

Старым объектом, не имеющим отношения к её прошло-
му.

Но она уже знала.

Если не поедет сейчас — будет жалеть.

Месяцами.

Годами.

Всю жизнь.

Здание оказалось заброшенным.

Огромный бетонный комплекс стоял за ржавым забором.

Когда-то здесь явно работали люди.

Теперь остались только выбитые окна и следы времени.

Она остановилась возле входа.

Странное чувство возникло сразу.

Будто место узнало её раньше, чем она узнала его.

— Ты уже была здесь.

Голос Евы прозвучал неожиданно.

Алина вздрогнула.

— Перестань так появляться.

— Извини.

Но в голосе не было раскаяния.

Только грусть.

— Ты действительно была здесь.

Алина посмотрела на здание.

— Когда?

Ева молчала.

— Когда?!

— До того, как всё изменилось.

Внутри было темно.

Фонарик телефона освещал длинные коридоры.

От сырости стены покрылись пятнами.

Краска облупилась.

Потолок местами провалился.

Но планировка казалась знакомой.

Слишком знакомой.

На уровне инстинкта.

Она знала, куда идти.

Хотя никогда здесь не была.

Или думала, что не была.

Один коридор.

Потом второй.

Лестница вниз.

Ещё одна дверь.

Каждый шаг усиливал странное давление в груди.

Словно память просыпалась.

Неохотно.

Болезненно.

Как человек после долгого сна.

Когда она увидела табличку, ноги остановились сами.

Белая пластина.

Почти полностью выцветшая.

Но цифры сохранились.

Алина замерла.
Мир вокруг будто исчез.
Осталась только дверь.
Та самая.
Из сна.
Она не заметила, как начала дрожать.
Не от холода.
От страха.
Потому что теперь кошмар перестал быть сном.
Он существовал на самом деле.
— Не открывай.
Голос Евы прозвучал неожиданно резко.
Алина обернулась.
— Почему?
— Потому что ты не готова.
— Это уже не тебе решать.
Ева закрыла глаза.
Именно этот ответ она боялась услышать.
Ручка оказалась холодной.
Почти ледяной.
Алина нажала вниз.
Дверь открылась.
Без сопротивления.
Словно ждала её.
Комната была пустой.
Почти.

Белые стены.

Старое оборудование.

Провода.

Мониторы.

Медицинское кресло в центре.

И тишина.

Абсолютная.

Тяжёлая.

Неправильная.

Первый приступ воспоминания пришёл мгновенно.

Без предупреждения.

Она увидела свет.

Очень яркий.

Услышала голоса.

Шаги.

Чей-то плач.

Свой собственный.

А потом голос мужчины.

— Всё будет хорошо.

Папа.

Это был Лукас.

Алина схватилась за край стола.

Комната поплыла.

Перед глазами мелькали фрагменты.

Руки в медицинских перчатках.

Монитор.

Дверь.

Лицо отца.

Испуганное.

Гораздо более испуганное, чем она когда-либо видела.

— Что здесь произошло?

Она говорила вслух.

Не Еве.

Не себе.

Самой комнате.

Странно, но ей казалось, что стены знают ответ.

В углу находился металлический шкаф.

Запертый.

Но замок давно проржавел.

После нескольких попыток дверца открылась.

Внутри лежала единственная папка.

Толще всех предыдущих.

На обложке было написано:

Объект А-17.

Ниже:

Алина Вальтер.

Она открыла первую страницу.

Фотография.

Ей около семи лет.

Дата.

Описание состояния.

Медицинские записи.

Наблюдения.

И десятки страниц дальше.

Алина листала быстрее.

Слишком быстро.

Пока взгляд не наткнулся на одну строку.

После неё читать стало невозможно.

Процедура разделения памяти признана успешной.

Ниже.

Очень мелко.

Почти незаметно.

Создана вспомогательная когнитивная структура: ЕВА.

Воздух будто исчез.

Она перечитала снова.

Потом ещё раз.

Но слова не менялись.

Оставались прежними.

Жестокими.

Неоспоримыми.

Ева стояла возле двери.

Очень тихо.

Очень далеко.

— Теперь ты понимаешь.

Алина подняла голову.

— Нет.

Голос сорвался.

— Нет.

Я ничего не понимаю.

— Тогда спроси.

Ева смотрела на неё с такой печалью, что становилось больно.

— Хорошо.

Алина сжала папку.

— Кто ты такая?

На этот раз Ева ответила сразу.

Без загадок.

Без уклончивости.

Без попыток смягчить удар.

— Я часть памяти, которую твой отец решил спрятать от тебя.

Тишина.

— Почему?

Ева закрыла глаза.

— Потому что иначе ты бы не выжила.

В этот момент за спиной Алины раздался звук.

Щелчок.

Тихий.

Механический.

Она резко обернулась.

Один из старых мониторов включился сам.

Экран замерцал.

Пошли помехи.

Белый шум.

А потом появилась запись.
Мужчина сидел перед камерой.
Уставший.
Осунувшийся.
Но живой.

Лукас Вальтер.

И первое, что он сказал, было:

— Если ты смотришь это, значит, я опоздал.

Глава 5

На экране дрожали помехи.

Старое видео.

Старая камера.

Старая жизнь.

Алина не могла пошевелиться.

Она смотрела на человека, которого считала мёртвым
больше десяти лет.

На человека, которого искала всю жизнь.

На человека, которого почти перестала помнить.

Лукас выглядел старше, чем на фотографиях.

Под глазами залегли тени.

Щёки стали впалыми.

На висках появилась седина.

Но глаза остались прежними.

Те самые.

Которые она помнила лучше собственного детства.

Потому что иногда память исчезает не полностью.

Она оставляет самое важное.

Лукас посмотрел прямо в камеру.

Словно видел её.

Словно знал, что однажды именно она будет смотреть эту запись.

— Если ты смотришь это, значит, я опоздал.

Несколько секунд он молчал.

Будто подбирал слова.

— Или, возможно, наоборот.

Алина почувствовала, как дрожат руки.

Ей хотелось остановить запись.

Перемотать.

Закричать.

Сделать хоть что-нибудь.

Но она не могла.

Потому что боялась пропустить хотя бы одно слово.

— Сейчас ты, вероятно, злишься.

Лукас слегка улыбнулся.

Улыбка получилась усталой.

— И имеешь на это полное право.

Он опустил взгляд.

— Я обещал никогда не оставлять тебя.

Пауза.

— И всё равно оставил.

Алина закрыла глаза.

На секунду.

Потому что именно эти слова она ждала услышать столько лет.

Не объяснения.

Не оправдания.

Признание.

Когда она снова посмотрела на экран, Лукас уже листал какие-то документы.

— Если Ева показала тебе эту запись раньше времени, значит, всё идёт гораздо хуже, чем я предполагал.

— Спасибо.

Тихо сказала Ева рядом.

— Всегда приятно чувствовать доверие.

Несмотря на происходящее, Алина едва не рассмеялась.

Впервые за несколько дней.

— Сейчас у тебя наверняка больше вопросов, чем ответов.

Лукас продолжал.

— Поэтому начну с самого главного.

Он поднял глаза.

И вдруг стал очень серьёзным.

— Ты никогда не была экспериментом.

Комната будто замерла.

— Никогда.

Он повторил это ещё раз.

Медленно.

Отчётливо.

— Если кто-то попытается убедить тебя в обратном — не верь.

Алина вспомнила папку.

Отчёты.

Протоколы.

Наблюдения.

Все те документы, которые выглядели именно как описание эксперимента.

Будто Лукас слышал её мысли.

— Да, я знаю, что написано в документах.

Уголок его губ дрогнул.

— Иногда бумага врёт лучше людей.

Экран мигнул.

Запись на секунду исказилась.

Потом восстановилась.

Лукас выглядел ещё более напряжённым.

— Есть причина, по которой ты не помнишь Комнату 17.

Есть причина, по которой существует Ева.

Есть причина, по которой я сделал всё это.

Пауза.

Очень долгая.

— Но прежде чем ты узнаешь её, тебе нужно понять одну вещь.

Он наклонился ближе к камере.

— Память — это не правда.

Алина нахмурилась.

— Что?

Шёпотом спросила она.

Лукас будто отвечал ей.

— Люди думают, что воспоминания — это история.

Но на самом деле это реконструкция.

Каждый раз, когда мы что-то вспоминаем, мы создаём это заново.

Мы переписываем себя.

Каждый день.

Каждую секунду.

Ева стояла рядом неподвижно.

Но Алина заметила, что та слушает очень внимательно.

Словно сама слышит эти слова впервые.

— Именно поэтому появился Палимпсест.

Продолжил Лукас.

— Мы хотели понять, можно ли защитить человека от воспоминаний, которые его разрушают.

Он сделал вдох.

— И сначала нам казалось, что мы нашли решение.

Следующие несколько минут запись показывала фотографии.

Диаграммы.

Исследования.

Схемы мозга.

Данные экспериментов.

Алина понимала далеко не всё.

Но постепенно складывалась картина.

Проект действительно начинался как способ лечения тяжёлых психологических травм.

Не оружие.

Не технология бессмертия.

Не безумный эксперимент.

По крайней мере сначала.

— Потом появились инвесторы.

Сказал Лукас.

И впервые в его голосе прозвучало раздражение.

— Потом появились люди, которые захотели использовать результаты иначе.

Экран снова мигнул.

На долю секунды появилась фотография женщины.

Светлые волосы.

Строгий взгляд.

Алина едва успела её рассмотреть.

Но Лукас сразу назвал имя.

— Доктор Восс.

Ева резко напряглась.

Очень резко.

Настолько, что Алина заметила это даже боковым зрением.

— Ты знаешь её.

Ева долго молчала.

Потом ответила:

— Да.

На экране Лукас продолжал.

— Если ты дошла до этого момента записи, значит, Восс всё ещё ищет проект.

Слова прозвучали неожиданно.

Слишком современно.

Слишком актуально.

Словно он говорил не из прошлого.

А прямо сейчас.

— Почему?

Тихо спросила Алина.

Лукас, конечно, не мог её услышать.

Но ответ снова пришёл.

— Потому что она считает, что память можно сохранить отдельно от человека.

Он посмотрел прямо в камеру.

— А я считаю, что это начало катастрофы.

Запись оборвалась.

Внезапно.

Без предупреждения.

Экран потемнел.

Остался только шум.

— Нет.

Алина шагнула к монитору.

— Нет, нет, нет...

Она начала нажимать кнопки.

Пытаться вернуть изображение.

Но безрезультатно.

Видео закончилось.

Только через несколько секунд она заметила новое сообщение.

Внизу экрана.

Мелкими буквами.

Будто его специально спрятали.

Для продолжения требуется уровень доступа А-17.

— Что это значит?

Спросила Алина.

Ева смотрела на экран.

И выглядела встревоженной.

По-настоящему.

— Это значит, что Лукас не хотел показывать тебе всё сразу.

— Почему?

Ева перевела взгляд на неё.

— Потому что следующая запись рассказывает о том дне.

— Каком дне?

Тишина.

— Дне, когда ты умерла.

Мир словно перестал существовать.

— Что?

Голос сорвался.

— Что ты сказала?

Ева смотрела ей прямо в глаза.

И впервые за всё время не пыталась смягчить правду.

— В Комнате 17 произошёл несчастный случай.

Пауза.

— И некоторое время твоё сердце не билось.

За стенами старой лаборатории продолжал идти дождь.

Но Алине казалось, что она больше его не слышит.

Потому что одна единственная мысль заглушила всё
остальное.

Если Ева сказала правду...

то вся её жизнь могла оказаться совсем не такой, какой
она её помнила.

Глава 6

Некоторые воспоминания не исчезают.

Они просто ждут.

Годами.

Терпеливо.

Глубоко под слоями других событий.

Под новыми привычками.

Под взрослением.

Под временем.

Они ждут момента, когда человек окажется готов встре-
титься с ними снова.

Или когда у него больше не останется выбора.

Алина сидела на полу возле старого монитора.

Ева стояла у стены.

Никто не говорил.

После её слов прошло несколько минут.

А может быть, полчаса.

Время вдруг перестало иметь значение.

Потому что одно короткое предложение разрушило всё.

Твоё сердце не билось.

— Нет.

Наконец сказала Алина.

— Нет.

Она покачала головой.

— Это невозможно.

— Возможно.

Голос Евы был тихим.

— Нет.

— Алина...

— Нет.

Она резко поднялась.

— Люди не забывают такие вещи.

Ева долго смотрела на неё.

Потом спросила:

— Ты помнишь своё восьмилетие?

— Конечно.

— А девятый день рождения?

Алина открыла рот.

И замолчала.

Она помнила торт.

Школу.

Фотографии.

Но даты расплывались.

Будто кто-то перемешал страницы книги.

Некоторые главы были на месте.

Некоторые отсутствовали.

Некоторые повторялись.

— Это ничего не доказывает.

Сказала она уже менее уверенно.

— Нет.

Согласилась Ева.

— Поэтому я покажу тебе.

В глубине комнаты находился ещё один терминал.

Старый.

Почти разрушенный временем.

Экран был покрыт трещинами.

Но система всё ещё работала.

На удивление.

Словно кто-то заботился о ней все эти годы.

Ева коснулась клавиатуры.

Появилось окно авторизации.

Код доступа.

Имя пользователя.

Дата.

— Откуда ты знаешь пароль?

Спросила Алина.

Ева не ответила.

И этот ответ оказался красноречивее любых слов.

Через несколько секунд открылся архив.

Сотни файлов.

Записей.

Медицинских отчётов.

Видео.

Аудиофайлов.

Дневников.

Ева выбрала один.

Без названия.

Только дата.

17 октября.

Алина почувствовала, как внутри всё сжалось.

Это было через пять дней после её восьмого дня рождения.

Видео запустилось.

Камера наблюдения.

Коридор.

Тот самый.

Белые стены.

Комната 17.

Маленькая девочка идёт рядом с Лукасом.

Держит его за руку.

Улыбается.

Что-то рассказывает.

Жестикулирует.

Смеётся.

Алина перестала дышать.

Потому что девочка была ею.

— Я не помню этого.

Прошептала она.

Ева ничего не сказала.

Лукас открывает дверь.

Они входят внутрь.

Камера переключается.

Теперь видно помещение.

Аппаратура.

Мониторы.

Исследователи.

Всё выглядит спокойно.

Обычно.

Даже слишком.

Потом происходит сбой.

Сначала никто его не замечает.

На одном из экранов появляются ошибки.

Звуковой сигнал.

Лампочка начинает мигать.

Лукас поворачивается первым.

Через секунду всё выходит из-под контроля.

Картинка дрожит.

Кто-то кричит.

Кто-то зовёт врача.
Оборудование отключается.
Потом включается снова.
Алина не понимает деталей.
Но видит главное.
Маленькая девочка в кресле перестаёт двигаться.
В комнате начинается паника.
Лукас оказывается рядом мгновенно.
Он кричит.
Что-то требует.
Пытается запустить систему вручную.
Видео идёт без звука.
Но слова читаются по губам.
— Верните её.
Алина отворачивается.
Не может смотреть.
Не хочет.
Но всё равно смотрит.
Потому что это её жизнь.
Потому что это правда.
Потому что впервые она видит страх своего отца.
Настоящий.
Абсолютный.
Животный.
Не учёного.
Не исследователя.

Не создателя проекта.

Отца.

Видео заканчивается.

Экран темнеет.

Некоторое время никто не говорит.

Потом Алина задаёт вопрос.

Самый страшный.

— Сколько?

Ева понимает сразу.

— Семь минут.

Семь минут.

Семь минут между жизнью и смертью.

Семь минут, которых не существовало в её памяти.

— И после этого появилась ты?

Ева медленно кивнула.

— Не сразу.

— Тогда когда?

Ева долго молчит.

Слишком долго.

Потом говорит:

— Когда ты начала вспоминать.

Алина нахмурилась.

— Я не понимаю.

— После аварии память начала разрушаться.

Фрагментами.

Не вся сразу.

— Лукас пытался остановить процесс.

— И создал тебя.

Ева опускает глаза.

— Да.

Впервые в её голосе появляется вина.

— Он хотел, чтобы я стала временным решением.

Пауза.

— Но я осталась слишком надолго.

Комната снова погружается в тишину.

Алина подходит к окну.

За стеклом дождь.

Серое небо.

Размытые силуэты деревьев.

Всё выглядит обычным.

Слишком обычным для мира, который только что перевернулся.

— Почему он мне не рассказал?

Ева отвечает не сразу.

— Потому что считал себя виноватым.

— В чём?

— Во всём.

Алина закрывает глаза.

Потому что начинает понимать.

Все эти годы она считала, что ищет ответ на вопрос:

Почему отец ушёл?

Но настоящий вопрос был другим.

От чего он пытался её защитить?

И почему ради этого пришлось пожертвовать собственной жизнью?

Когда она оборачивается, экран терминала снова меняется.

Без команды.

Сам по себе.

Появляется новый файл.

Не архив.

Не отчёт.

Не запись камеры.

Видеосообщение.

В названии только три слова.

Для Алины. Срочно.

Дата создания:

за два дня до исчезновения Лукаса Вальтера.

Глава 7

Алина долго смотрела на название файла.

Для Алины. Срочно.

Три слова.

Обычные.

Но именно они пугали сильнее всего.

Потому что в них чувствовалось время.

Спешка.

Страх.

Будто человек, записывавший это сообщение, уже знал,

что может не успеть сказать всё лично.

Палец замер над кнопкой воспроизведения.

— Не открывай его здесь.

Сказала Ева.

Алина посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что после этого пути назад не будет.

— Его уже нет.

Ева ничего не ответила.

Потому что понимала:

в этот раз Алина права.

Видео запустилось.

Картинка появилась почти сразу.

На этот раз запись была качественнее.

Новее.

Лукас сидел в кабинете.

За окном была ночь.

На столе горела лампа.

Рядом стояла кружка кофе.

Несколько папок лежали открытыми.

И впервые Алина увидела отца таким.

Не героем из воспоминаний.

Не призраком прошлого.

Не учёным.

Уставшим человеком.

Он несколько секунд молчал.

Словно собирался с силами.

Потом посмотрел прямо в камеру.

— Если ты смотришь это сообщение, значит, я уже не могу объяснить всё сам.

Он сделал глубокий вдох.

— Прости.

Алина почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Она ненавидела это слово.

Годами.

Потому что слишком часто представляла его.

Слишком часто мечтала услышать.

И теперь, когда услышала на самом деле, облегчения не было.

— Ты заслуживала лучшего отца.

Продолжил Лукас.

— Более честного.

Более смелого.

Более разумного.

Он грустно улыбнулся.

— Но у тебя был я.

Несколько секунд он смотрел куда-то в сторону.

Будто сомневался.

Стоит ли продолжать.

Потом всё-таки продолжил.

— Сейчас ты знаешь о Комнате 17.

Знаешь про Еву.

Знаешь про аварию.

Но есть кое-что, чего ты пока не понимаешь.

Он наклонился вперёд.

— Авария была не случайностью.

В комнате стало очень тихо.

Алина почувствовала, как холод проходит по позвоночнику.

— Что?

Прошептала она.

На экране Лукас продолжал:

— Именно это я пытался скрыть от тебя все эти годы.

Он достал папку.

Такую же серую, как та, что нашла Алина.

На обложке было написано:

Восс.

Ева напряглась.

Очень заметно.

— Кто она?

Спросила Алина.

— Человек, который хотел спасти человечество.

Тихо ответила Ева.

— Или уничтожить его.

Лукас будто услышал их разговор.

— Доктор Элизабет Восс.

Один из руководителей проекта.

Один из самых талантливых учёных, которых я встречал.
И самый опасный человек, которого я знаю.

На экране появилась фотография.

Та самая женщина, которую Алина мельком видела раньше.

Светлые волосы.

Спокойное лицо.

Умные глаза.

Ничего зловещего.

Ничего пугающего.

Именно поэтому становилось страшно.

— Когда мы начинали проект, наши цели были одинаковыми.

Сказал Лукас.

— Мы хотели помогать людям.

Лечить травмы.

Сохранять личности пациентов, утративших память.

Он замолчал.

— Но потом Восс увидела кое-что другое.

Новая фотография.

Схема мозга.

Модель нейронной сети.

Странные графики.

— Она поняла, что память можно не только восстанавливать.

Её можно копировать.

Алина нахмурилась.

— Копировать?

Ева тихо ответила:

— Создавать цифровые версии личности.

Лукас продолжил:

— Для неё это стало началом новой эпохи.

Для меня — началом кошмара.

На экране появились документы.

Отчёты.

Презентации.

Прогнозы.

— Она считала, что смерть — техническая проблема.

И любую техническую проблему можно решить.

Лукас покачал головой.

— Но человек — не программа.

Пауза.

— Именно тогда мы начали спорить.

Спорить.

Потом конфликтовать.

Потом воевать.

Видео на секунду дрогнуло.

Будто сама запись не хотела показывать следующие кадры.

Потом появилось новое изображение.

Комната 17.

За день до аварии.

Восс и Лукас стоят друг напротив друга.

Камера записывает только картинку.

Без звука.

Но по лицам всё понятно.

Они кричат.

Спорят.

Лукас выглядит взбешённым.

Восс — абсолютно спокойной.

От этого она кажется ещё страшнее.

— На следующий день произошла авария.

Сказал Лукас.

— И я до сих пор не знаю, была ли она случайностью.

Молчание.

Потом он произносит слова, после которых Алина чувствует настоящий ужас.

— Но я знаю другое.

Он смотрит прямо в камеру.

— После аварии Восс захотела использовать тебя.

Алина перестаёт дышать.

— Меня?

— Да.

Отвечает Ева.

Очень тихо.

Лукас продолжает:

— Потому что ты стала первым успешным случаем.

Экран показывает медицинский отчёт.

Стабильность личности сохранена.

Фрагментация памяти контролируема.

Создана дополнительная когнитивная структура.

Ева.

— Для Восс это был прорыв.

Сказал Лукас.

— Для меня — предупреждение.

Он устало проводит рукой по лицу.

— Тогда я понял, что должен вывести тебя из проекта.

Любой ценой.

Алина смотрит на экран.

Не моргая.

Потому что впервые начинает понимать:

всё было намного больше, чем она думала.

Речь шла не только о ней.

Не только о памяти.

Не только о семье.

Речь шла о технологии, способной изменить само представление о человеке.

Лукас делает глубокий вдох.

И произносит фразу, ради которой, кажется, записал всё сообщение.

— Если я исчезну, не ищи моё тело.

Пауза.

— Ищи данные.

Внутри Алины всё холодеет.

— Потому что существует вероятность, что к тому моменту меня уже не будет среди живых.

Он поднимает глаза.

— Но часть меня останется внутри Палимпсеста.

Экран внезапно покрывается помехами.

Изображение начинает разрушаться.

Лукас успевает сказать ещё только одну фразу:

— Никому не доверяй. Особенно...

Связь обрывается.

Чёрный экран.

Тишина.

Несколько секунд никто не двигается.

Потом на мониторе появляется новая строка.

Внешний доступ зафиксирован.

Неавторизованное подключение.

Ева резко бледнеет.

— Нет.

— Что случилось?

Она смотрит на экран.

И впервые за всё время в её глазах появляется настоящий ужас.

— Нас нашли.

Глава 8

В лаборатории стало слишком тихо.

Настолько тихо, что Алина слышала собственное дыхание.

Медленное.

Неровное.

Слишком громкое.

На экране продолжала мигать надпись:

Неавторизованное подключение.

Удалённый доступ получен.

- Кто?

Спросила Алина.

Ева не ответила сразу.

Она смотрела на монитор так, будто увидела призрак.

Или что-то хуже.

— Ева.

Голос Алины стал жёстче.

— Кто нас нашёл?

— Люди Восс.

Эти слова прозвучали спокойно.

Но внутри них скрывалось что-то страшное.

Что-то такое, что заставило даже Еву потерять самообладание.

— Ты уверена?

— Да.

На экране появились новые строки.

Поиск объекта А-17.

Поиск когнитивной структуры ЕВА.

Алина перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

— Они ищут меня.

— Да.

— И тебя.

Ева медленно кивнула.

В этот момент старые динамики лаборатории ожили.

Сначала раздался шум.

Помехи.

Треск.

Потом женский голос.

Спокойный.

Низкий.

Очень уверенный.

— Добрый вечер, Алина.

Внутри всё похолодело.

— Кто это?

Хотя ответ она уже знала.

Несколько секунд тишины.

Потом:

— Доктор Элизабет Восс.

Ева закрыла глаза.

Будто услышала имя человека, которого надеялась больше никогда не встретить.

— Вы мертвы.

Сказала Алина.

Лёгкий смешок.

— Это зависит от определения смерти.

Сердце пропустило удар.

Потому что именно так мог бы ответить человек, который много лет изучал память.

— Что вам нужно?

— Ты.

Никаких объяснений.

Никаких оправданий.

Просто правда.

— Почему?

— Потому что ты принадлежишь проекту.

Гнев вспыхнул мгновенно.

— Я никому не принадлежу.

На другом конце линии воцарилось молчание.

Потом Восс ответила:

— Именно поэтому ты оказалась интереснее всех остальных.

Экран изменился.

Появилась фотография.

Мужчина.

Женщина.

Подросток.

Ребёнок.

Потом ещё одна.

И ещё.

И ещё.

Десятки лиц.

— Кто это?

Восс ответила:

— Люди, которых мы пытались спасти.

Алина почувствовала тревогу.

Потому что никто на фотографиях не улыбался.

— Что с ними случилось?

Тишина.

Слишком долгая.

— Не все эксперименты завершились успешно.

Ева резко отвернулась.

И тогда Алина поняла.

Эти люди умерли.

Или потеряли себя.

Или произошло нечто ещё хуже.

— Сколько?

Прошептала она.

Восс не ответила.

Но ответа уже не требовалось.

Иногда молчание говорит больше цифр.

— Поэтому Лукас ушёл.

Сказала Алина.

— Нет.

Ответила Восс.

— Поэтому Лукас сбежал.

Голос впервые стал холоднее.

— Он уничтожил десятилетия работы.

Он украл данные.
Он украл систему.
Он украл будущее.
— Он спас меня.

Тишина.

— Возможно.

Согласилась Восс.

— Но он обрёк миллионы других людей.

Алина почувствовала, что именно в этот момент начинает понимать главную проблему.

Восс не считала себя злодеем.

Она действительно верила в свою правоту.

Именно поэтому была опасна.

— Вы хотели победить смерть.

— Да.

— Любой ценой?

Пауза.

— Смерть всегда требует цену.

Эти слова прозвучали почти как молитва.

Почти как оправдание.

Почти как признание.

Внезапно в лаборатории погас свет.

На секунду всё погрузилось во тьму.

Потом включилось аварийное освещение.

Красное.

Тревожное.

По коридору прокатился сигнал тревоги.

Ева резко повернулась к двери.

— Они здесь.

— Кто?

— Не только удалённо.

Она посмотрела на монитор.

— Кто-то вошёл в комплекс.

Сердце Алины забилося быстрее.

— Сейчас?

— Сейчас.

На одном из экранов появилось изображение камеры наблюдения.

Длинный коридор.

Пустой.

Потом в кадре появилась фигура.

Мужчина.

Высокий.

В тёмном плаще.

Он двигался уверенно.

Слишком уверенно для человека, который оказался здесь впервые.

Будто знал лабораторию.

Будто уже бывал здесь.

Он остановился прямо перед камерой.

Поднял голову.

Посмотрел в объектив.

И улыбнулся.

— Нет.

Прошептала Ева.

Алина посмотрела на неё.

— Ты его знаешь?

Несколько секунд Ева не отвечала.

Потом очень тихо сказала:

— Это невозможно.

— Кто это?

Ева побледнела ещё сильнее.

— Марк Рейн.

Имя ничего не сказал АLINE.

Но реакция Евы сказала всё.

— Кто он?

Ответ прозвучал почти шёпотом.

— Человек, который помогал создавать меня.

На экране мужчина продолжал смотреть прямо в камеру.

Словно видел их.

Словно знал, что они наблюдают.

А потом произнёс одними губами четыре слова.

Алина не услышала звук.

Но прочитала.

«Я пришёл за вами».

Глава 9

Иногда опасность приходит с шумом.

С сиренами.

С криками.

С разбитыми окнами.

Но самые страшные люди появляются тихо.

Так, словно всегда были рядом.

Мужчина на экране продолжал смотреть прямо в камеру.

Не двигался.

Не говорил.

Просто смотрел.

И от этого становилось не по себе.

— Кто он?

Снова спросила Алина.

Ева долго не отвечала.

Слишком долго.

— Марк Рейн был частью команды Лукаса.

— Учёным?

— Да.

— Другом?

На этот раз пауза затянулась ещё сильнее.

— Когда-то.

Ответ прозвучал так, будто за ним скрывалась целая история.

— Что произошло?

Ева отвела взгляд.

— Он выбрал Восс.

Красное аварийное освещение продолжало мигать.

Коридоры лаборатории то появлялись из темноты, то сно-

ва исчезали.

На экране Марк сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

Он двигался к Комнате 17.

Слишком быстро.

Слишком уверенно.

Будто точно знал, куда идти.

— Нам нужно уходить.

Сказала Ева.

— Нет.

Ева резко повернулась.

— Алина.

— Я устала убегать.

Впервые за всё время голос прозвучал твёрдо.

Без страха.

— Если он знает ответы, я хочу их услышать.

Ева закрыла глаза.

— Именно этого я и боялась.

Через несколько минут шаги раздались уже в коридоре.

Настоящие.

Не на экране.

Тяжёлые.

Медленные.

Кто-то приближался.

А потом дверь открылась.

Марк Рейн оказался совсем не таким, каким его представ-

ляла Алина.

Не злодей.

Не безумный учёный.

Обычный мужчина лет пятидесяти.

Высокий.

С проседью в волосах.

С усталым лицом человека, который давно перестал спать
спокойно.

Но глаза...

Глаза были опасными.

Потому что в них не осталось сомнений.

— Алина.

Он произнёс её имя так, словно знал её много лет.

— Мы никогда не встречались.

Ответила она.

— Встречались.

Тихо сказал Марк.

Мир словно остановился.

— Что?

Он посмотрел на Еву.

Потом снова на Алину.

— Просто ты этого не помнишь.

Внутри всё похолодело.

— Ещё один человек, который знает мою память лучше
меня.

На лице Марка появилась грустная улыбка.

— Поверь, я бы предпочёл не знать.

Тишина.

Потом он сделал то, чего никто не ожидал.

Протянул Алине старую фотографию.

На снимке были трое.

Лукас.

Марк.

И маленькая девочка.

Алина.

Она смотрела на фотографию несколько секунд.

Потом заметила нечто странное.

Все улыбались.

Кроме Марка.

Даже тогда.

Много лет назад.

Он выглядел человеком, который уже знает конец истории.

— Зачем вы пришли?

Спросила Алина.

— Чтобы опередить Восс.

— Почему?

— Потому что если она найдёт тебя первой, всё закончится.

— Что именно?

Марк посмотрел на Еву.

— Свобода выбора.

Эти слова удивили Алину.

Она ожидала чего угодно.

Лжи.

Манипуляции.

Угроз.

Но не этого.

— Вы работаете на неё.

— Работал.

— А сейчас?

Он горько усмехнулся.

— Сейчас я пытаюсь исправить ошибку, которой посвятил половину жизни.

Тишина.

— Какую ошибку?

Марк несколько секунд молчал.

Потом посмотрел прямо на Еву.

— Её.

Ева застыла.

Алина почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Вы создали Еву?

— Частично.

— Почему?

Ответ пришёл сразу.

— Потому что мы думали, что спасаем тебя.

Именно эти слова Алина слышала уже много раз.

Слишком много.

Все постоянно говорили о спасении.

Но никто не спрашивал, хочет ли она быть спасённой таким способом.

— Что такое Ева?

Марк закрыл глаза.

Будто устал отвечать на этот вопрос ещё много лет назад.

— Не программа.

— Я знаю.

— Не галлюцинация.

— Это тоже знаю.

— И не просто часть твоей памяти.

Алина замерла.

Потому что именно этот вариант казался самым вероятным.

— Тогда кто она?

Марк посмотрел на Еву.

Очень внимательно.

Очень печально.

И ответил:

— Первый в истории человек, родившийся внутри чужого сознания.

В комнате наступила абсолютная тишина.

Даже сирена будто перестала звучать.

Даже время остановилось.

— Нет.

Прошептала Алина.

— Это невозможно.

— Мы тоже так думали.

Сказал Марк.

Потом достал из кармана флеш-карту.

Старую.

Потёртую.

И положил на стол.

— Здесь все материалы Лукаса.

— Почему вы отдаёте их мне?

— Потому что он попросил.

Алина посмотрела на него.

— Перед исчезновением?

— Нет.

Марк опустил взгляд.

— После.

Сердце замерло.

— Что значит «после»?

Ответа она боялась больше всего.

Марк посмотрел ей прямо в глаза.

— Алина.

Пауза.

— Лукас не умер.

Она перестала дышать.

А Марк произнёс слова, которые изменили всё.

— По крайней мере, не полностью.

Глава 10

Иногда одна фраза способна разрушить целую жизнь.

Не потому что она ложная.

А потому что она может оказаться правдой.

— Что значит «не полностью»?

Голос Алины прозвучал глухо.

Словно принадлежал кому-то другому.

Марк долго молчал.

Будто заранее знал, насколько сильно она возненавидит его ответ.

— Это значит, что я не знаю, жив ли Лукас как человек.

Тишина.

— Но я знаю, что часть его сознания существует.

Алина рассмеялась.

Резко.

Нервно.

Почти истерически.

— Вы серьёзно?

— К сожалению.

— Нет.

Она покачала головой.

— Нет. Нет. Нет.

Всё происходящее вдруг стало слишком похожим на безумие.

Память.

Ева.

Скрытые лаборатории.

Цифровые личности.

Теперь ещё и это.

Сознание человека, существующее отдельно от тела.

— Это невозможно.

Марк посмотрел на неё усталым взглядом.

— Именно это мы говорили десять лет назад.

Он сел напротив.

— А потом появился Палимпсест.

Красный свет аварийных ламп продолжал мигать.

Тени двигались по стенам.

Словно сама лаборатория слушала их разговор.

— Объясните нормально.

Сказала Алина.

— Без загадок.

Без теорий.

Без философии.

— Хорошо.

Марк сделал глубокий вдох.

— После аварии в Комнате 17 Лукас понял то, чего не заметили остальные.

— Что именно?

— Ева.

Алина посмотрела на стоявшую рядом женщину.

— Она не должна была появиться.

Ева отвела взгляд.

— Вообще.

Продолжил Марк.

— Согласно всем расчётам система должна была просто компенсировать повреждения памяти.

— Но вместо этого возникла личность.

Тишина.

— Самостоятельная.

Развивающаяся.

Осознающая себя.

— Я знаю.

Тихо сказала Ева.

В её голосе впервые появилась боль.

Будто она слышала историю собственного рождения.

И ненавидела её.

— Лукас считал это чудом.

Сказал Марк.

— Восс считала это открытием.

— А вы?

Он усмехнулся.

— Я считал это началом проблемы.

На лице Евы мелькнула едва заметная обида.

— Спасибо.

— Извини.

Марк действительно выглядел виноватым.

Именно это делало его опаснее.

Он не был злым человеком.

Он был человеком, который однажды решил, что благие

намерения оправдывают риск.

И теперь расплачивался за это.

— Когда Лукас понял, что происходит, он начал задавать другой вопрос.

— Какой?

— Если можно создать новое сознание внутри существующего...

Пауза.

— Можно ли сохранить уже существующее после смерти?

Комната снова погрузилась в тишину.

Алина почувствовала, как внутри всё холодеет.

Потому что теперь она начинала понимать логику Восс.

И это пугало.

Очень.

— Он экспериментировал на себе?

Марк посмотрел на неё.

— Да.

Ответ прозвучал настолько просто, что стал страшнее.

— Зачем?

— Из-за тебя.

Алина закрыла глаза.

Конечно.

Всё снова возвращалось к ней.

Всегда.

— Он боялся умереть раньше, чем сможет тебя защитить.

Марк опустил взгляд.

— Поэтому начал создавать резервную копию собственного сознания.

Слова прозвучали почти абсурдно.

Но после всего произошедшего абсурд уже перестал удивлять.

— Получилось?

Марк молчал.

Потом медленно кивнул.

— Частично.

Тишина.

— Что значит частично?

— Это значит, что мы не знаем, сколько в системе осталось Лукаса.

— Половина?

— Может быть.

— Четверть?

— Возможно.

— Или просто запись?

Марк посмотрел на неё.

— Именно это мы пытаемся выяснить уже десять лет.

Сердце Алины начало биться быстрее.

— Он говорил с вами?

Марк не ответил.

И этого оказалось достаточно.

— Он говорил.

— Иногда.

— Когда?

— После исчезновения.

Внутри всё оборвалось.

— После исчезновения.

Повторила она.

— Да.

— Как?

Марк медленно достал телефон.

Открыл папку.

Показал фотографию.

На экране был сервер.

Обычный.

Ничем не примечательный.

Но подпись под снимком заставила Алину забыть о дыхании.

Узел L-01.

L.

Лукас.

— Он оставлял сообщения.

— Записанные заранее?

— Нет.

Пауза.

— Новые.

Внутри Алины будто разорвалась последняя нить, связывавшая её с прежней реальностью.

— Вы хотите сказать...

— Да.

Марк смотрел ей прямо в глаза.

— Через два года после исчезновения Лукас ответил на вопрос, который ему никто никогда не задавал раньше.

Тишина.

— Что?

— Он ответил на сообщение, отправленное после его исчезновения.

Алина почувствовала настоящий страх.

Не тот страх, который приходит перед опасностью.

А тот, который появляется, когда рушатся законы мира.

Потому что одно дело — оставить запись.

И совсем другое — вести диалог.

— Это невозможно.

— Именно поэтому Восс ищет его до сих пор.

Ева резко подняла голову.

— Она нашла узел?

— Нет.

— Тогда почему ты здесь?

Марк посмотрел сначала на неё.

Потом на Алину.

— Потому что вчера он снова вышел на связь.

Тишина.

Абсолютная.

— Кто?

Прошептала Алина.

Хотя знала ответ.

Марк медленно положил на стол маленький запечатанный конверт.

На нём было написано всего два слова.

Для дочери.

Почерк был знакомым.

Слишком знакомым.

Лукас Вальтер.

Глава 11

Некоторые вещи невозможно спутать.

Голос.

Запах.

Почерк.

Алина смотрела на конверт и понимала: это писал Лукас.

Не копия.

Не подделка.

Не имитация.

Она узнала бы эти буквы среди миллионов других.

Пальцы дрожали.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы выдать её состояние.

— Откуда он у тебя?

Спросила она.

Марк не ответил сразу.

— Он появился вчера.

— Где?

— В одном из закрытых узлов Палимпсеста.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он выглядел уставшим.

По-настоящему уставшим.

Как человек, который уже давно перестал понимать происходящее.

— Ты думаешь, это написал Лукас?

Марк посмотрел на конверт.

— Я думаю, что это написал кто-то, кто считает себя Лукасом.

Эти слова повисли в воздухе.

Кто-то.

Кто считает себя Лукасом.

Алина не знала, что пугает сильнее.

Если письмо настоящее.

Или если нет.

Она осторожно вскрыла конверт.

Внутри лежал один лист.

Сложенный пополам.

Всего несколько строк.

Она начала читать.

«Если ты держишь это письмо в руках, значит, времени осталось меньше, чем я надеялся.»

Горло сжалось.

«Прежде всего запомни главное: не верь тому, что Восс

расскажет обо мне.»

Следующая строка.

«И не верь мне самому, пока не увидишь всё целиком.»

Алина перечитала предложение дважды.

Не верь мне самому.

Что это вообще могло означать?

Она читала дальше.

«Я совершил ошибку.»

«Пытаясь защитить тебя, я создал нечто, чего не понимал до конца.»

«И теперь это нечто развивается самостоятельно.»

Внутри всё похолодело.

Она подняла глаза.

— Речь о Еве?

— Нет.

Ответил Марк.

— Тогда о чём?

Но ответ пришёл не от него.

От Евы.

Очень тихо.

Почти шёпотом.

— Я думаю, он говорит о себе.

Тишина.

Алина снова посмотрела на письмо.

И продолжила читать.

«Если ты дошла до этого момента, значит, активирован

Протокол Ноль.»

Марк резко напрягся.

Настолько резко, что она заметила это мгновенно.

— Что такое Протокол Ноль?

Марк побледнел.

— Нет.

— Что?

— Лукас не должен был его запускать.

— Почему?

Ответила Ева.

— Потому что это последний сценарий.

Пауза.

— Самый опасный.

Алина почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

Она снова посмотрела на письмо.

Последние строки были написаны отдельно.

Будто Лукас особенно хотел, чтобы именно их она увидела первой.

«Не ищи меня.»

«Ищи Сердце Палимпсеста.»

«Там находится ответ.»

Подпись.

Лукас.

И ещё одна строка ниже.

Очень мелкая.

Почти незаметная.

«Если Ева всё ещё рядом — значит, она выбрала тебя.»

Комната погрузилась в тишину.

Алина медленно подняла голову.

— Что значит выбрала?

Ева смотрела на письмо так, словно увидела призрак.

— Я не знаю.

— Врёшь.

На этот раз голос Алины прозвучал жёстко.

— Все вокруг знают больше меня.

Она повернулась к Еве.

— Хватит.

— Алина...

— Нет.

В груди впервые за долгое время поднялся гнев.

Настоящий.

Живой.

— Хватит говорить загадками.

Тишина.

Потом Ева сделала то, чего раньше никогда не делала.

Она посмотрела прямо ей в глаза.

Без улыбки.

Без защитной иронии.

Без дистанции.

— Хорошо.

И впервые заговорила абсолютно честно.

— В день аварии я действительно появилась как часть твоей памяти.

Алина молчала.

— Но через несколько месяцев произошло нечто странное.

— Что?

— Я начала принимать решения самостоятельно.

Марк опустил взгляд.

Будто именно этого разговора боялся больше всего.

— Это невозможно.

— Да.

Согласилась Ева.

— Именно поэтому мы никому не рассказывали.

— Кто мы?

Ева впервые ответила сразу.

— Я и Лукас.

Мир будто остановился.

— Ты общалась с ним?

— Да.

— Когда?

— Годами.

У Алины подкосились ноги.

— Что?

— Иногда во сне.

Иногда через систему.

Иногда через узлы Палимпсеста.

— Нет.

Она покачала головой.

— Нет.

Это уже было слишком.

Слишком много тайн.

Слишком много лжи.

Слишком много невозможного.

— Ты врёшь.

— Хотела бы.

Тихо сказала Ева.

Именно в этот момент все мониторы лаборатории включились одновременно.

Сами.

Без команды.

Без электричества.

Без предупреждения.

Один экран.

Потом второй.

Третий.

Десятый.

Двадцатый.

Белый свет заполнил помещение.

На каждом мониторе появилась одинаковая надпись.

ПРОТОКОЛ НОЛЬ АКТИВИРОВАН

Ниже:

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ УЗЛА “СЕРДЦЕ ПАЛИМПСЕ-

СТА”

Ещё одна строка возникла спустя секунду.

Именно она заставила Марка побледнеть окончательно.

ОБНАРУЖЕН ОСНОВНОЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Пауза.

А затем система вывела имя.

Не Алины.

Не Евы.

Не Восс.

ЛУКАС ВАЛЬТЕР

Глава 12

Никто не произнёс ни слова.

Несколько секунд.

А может, несколько минут.

Время снова потеряло значение.

Потому что все смотрели на одно имя.

ЛУКАС ВАЛЬТЕР

Оно светилось на десятках экранов.

Повторялось снова и снова.

Как эхо.

Как предупреждение.

Как возвращение мертвеца.

Алина почувствовала, что перестаёт различать реальность.

За последние дни её мир рушился столько раз, что очередной удар уже не удивлял.

Но этот оказался другим.

Более личным.

Более болезненным.

— Это невозможно.

Прошептала она.

Марк не ответил.

Потому что сам выглядел человеком, увидевшим невозможное.

На центральном мониторе появилась новая строка.

ПОДТВЕРДИТЬ ДОСТУП?

Ниже два варианта.

ДА

НЕТ

Система ждала.

— Не трогай.

Сразу сказал Марк.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, кто ответит.

Тишина.

— Ты только что сказал, что это Лукас.

— Нет.

Марк покачал головой.

— Я сказал, что система считает его Лукасом.

Разница была огромной.

И пугающей.

Алина посмотрела на Еву.

— А ты что думаешь?

Ева долго смотрела на экран.

Слишком долго.

— Я не знаю.

Впервые её голос звучал растерянно.

— Но я знаю одно.

— Что?

— Он ждал этого момента.

Сердце пропустило удар.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что говорил со мной об этом.

Тишина.

Очередная тайна.

Очередная правда.

Алина уже устала удивляться.

Она подошла к терминалу.

Палец завис над клавишей.

— Если это не Лукас?

Спросила она.

— Тогда мы откроем дверь чему-то другому.

Ответил Марк.

— А если это он?

Никто не ответил.

Потому что этот вариант пугал не меньше.

Наконец Алина нажала.

ДА.

На секунду все экраны погасли.

Лаборатория погрузилась во тьму.

Потом свет вернулся.

И появилась новая надпись.

ПОДКЛЮЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, АЛИНА

У неё перехватило дыхание.

Не потому что сообщение было страшным.

Потому что она знала эту фразу.

Очень давно.

Настолько давно, что воспоминание почти исчезло.

Лукас говорил так каждый раз, когда возвращался из командировки.

Каждый раз.

Без исключений.

Добро пожаловать домой, Алина.

На экране появился курсор.

Затем текст.

Буква за буквой.

Словно кто-то печатал сообщение прямо сейчас.

Не запись.

Не видео.

Диалог.

— Нет...

Прошептал Марк.

На мониторе возникла новая строка.

Марк. Ты всё ещё выглядишь ужасно.

Марк побледнел.

Потому что именно так Лукас шутил над ним двадцать лет назад.

Только Лукас.

Только он.

Следующая строка появилась почти сразу.

Ева. Рад видеть, что ты жива.

Ева закрыла глаза.

На её лице появилось выражение, которого Алина никогда раньше не видела.

Счастье.

И боль одновременно.

А затем появилась третья строка.

Та, которую ждали все.

Алина. Прости, что заставил тебя ждать.

В груди что-то оборвалось.

Она смотрела на слова.

Не мигая.

Не дыша.

Потому что часть её хотела поверить.

Очень хотела.

— Кто ты?

Напечатала она.

Ответ появился сразу.

Сложный вопрос.

Алина невольно усмехнулась.

Потому что это был абсолютно отцовский ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.